

Полтора года въ совѣтскомъ Главкѣ

Съ начала 1919 г. по сентябрь 1920 г. мнѣ пришлось прослужить въ одномъ изъ видныхъ промышленныхъ учрежденій Совѣтской Россіи, занимая должности послѣдовательно отъ дѣлопроизводителя до управляющаго отдѣломъ (въ качествѣ „спеціалиста“). Личныя наблюденія, накопившіяся у меня за время этой службы, могутъ быть небезинтересны, какъ потому, что даютъ извѣстный матеріаль для общей картины жизни центральныхъ совѣтскихъ канцелярій, такъ, въ частности, и потому, что описываемое мною учрежденіе — Главный Лѣсной Комитетъ и входящее въ его составъ Управление Деревообрабатывающей Промышленности, является однимъ изъ наиболѣе важныхъ Главковъ.

Въ вѣдѣніи этого Управленія состоятъ всѣ предпріятія по механической обработкѣ дерева (лѣсопильные и фанерные заводы и т. д.), а также промышленность по кустарной обработкѣ дерева по всей Совѣтской Россіи, включая Украину, Сибирь, Кавказъ; общее число подвѣдомственныхъ Управленію предпріятій — около 2000. Уже это обстоятельство — неопредѣленность для самого Управленія числа управляемыхъ предпріятій — крайне характерно для всей «работы». Еще болѣе гадательнымъ являлось число рабочихъ въ предпріятіяхъ: по однимъ даннымъ, къ лѣту 1920 г., это число равнялось 44.000 чел., по другимъ, къ тому же времени, — 120.000 чел. Обѣ цифры безъ разбора давались, какъ официальные данныя, и клались въ основаніе докладовъ, декретовъ и распоряженій. О томъ, какіе заводы работаютъ, какіе стоятъ, и почему, свѣдѣнія чисто случайныя и проблематичныя. Только лѣтомъ 1920 г. удалось заставить заводоуправленія сообщать о случаяхъ уничтоженія заводовъ пожарами, и надо отдать справедливость: отвѣты посыпались, какъ изъ рога изобилія. Еще менѣе знаютъ въ центрѣ, что именно и какъ дѣлаютъ немногіе работающіе заводы: подавляющая масса заводовъ не даетъ ни производственныхъ отчетовъ, ни отчетовъ въ израсходованіи лѣсныхъ матеріаловъ и миллиардовъ рублей, отпускаемыхъ по смѣтамъ и непрерывнымъ сверхсмѣтнымъ требованіямъ.

Не надо однако полагать, что центральныя учрежденія не дѣлаютъ попытокъ къ налаженію отчетности. Совершенно напротивъ: и Главлѣскомъ, и его Управленіе Деревообработки. Пром., и всѣ Отдѣлы и подотдѣлы послѣдняго безпрестанно вырабатываютъ самыя остроумныя формы отчетныхъ бланковъ и вѣдомостей. Эти же формы составляетъ и Центральный Статистическій Комитетъ, и Финансово-Счетный отдѣлъ Высонархоза, и бывший Департаментъ Неокладныхъ Сборовъ, не помню,

какъ переименованный, и т. д., и т. д. Всѣ эти различныя формы претендуютъ на всеобъемлющестъ и научную точность; нѣкоторыя изъ нихъ не умѣщаются на простыхъ листахъ бумаги, а располагаются на простыняхъ, склеенныхъ изъ нѣсколькихъ листовъ. Выработанныя формы, съ самымъ категорическимъ приказомъ о заполненіи и съ угрозами чрезвычайной, разсылаются одновременно и разновремено по мѣстамъ и черезъ нѣсколько недѣль попадаютъ на лѣсопильный заводъ. Во главѣ завода въ лучшемъ случаѣ стоитъ полуграмотный приказчикъ, для котораго всѣ эти противорѣчающія другъ другу анкеты и требованія совершенно невыполнимы. Да и на немногихъ болѣе крупныхъ предпріятіяхъ, гдѣ имѣется интеллигентный персоналъ, бланки и формы центра являются непосильнымъ бумажнымъ дождемъ. Какъ на результатъ подобной постановки отчетности, укажу на слѣдующіе примѣры. 3 января 1920 г. въ наше учрежденіе, какъ и во всѣ прочіе Главки, прибыла срочнѣйшая телефонограмма Ларина, съ предложеніемъ представить ему не позднѣе 1 ч. дня 5 января основной отчетъ по управляемой отрасли промышленности за 1919 г., по слѣдующимъ пунктамъ: число заводовъ, работающихъ и неработающихъ, число рабочихъ и служащихъ, количество потребленнаго сырья и техническихъ матеріаловъ, количество выработанныхъ лѣсныхъ матеріаловъ, истраченныя суммы денегъ. За исполненіе работы къ сроку обѣщалась соблазнительная премія: на cadaго участника работы по 2 ф. сахара и четверть чая. «Мобилизовали» сотрудниковъ, засѣли за вечернія занятія. Первымъ долгомъ обратились въ Статистико-Экономическій Отдѣлъ Главлѣскома, который долженъ получать два раза въ мѣсяцъ телеграммы съ заводовъ о ходѣ работы. Однако, мы нашли тамъ свѣдѣнія только съ 5 заводовъ за разрозненные мѣсяцы; остальные 2000 съ лишнимъ заводовъ отчета не дали. Кинулись опять къ перепискѣ и толстымъ «дѣламъ» Управленія, но и тамъ нашли не больше. Между тѣмъ, начальство требуетъ отчетъ; 2 ф. сахара къ праздникамъ — соблазнъ немалый, — и отчетъ былъ составленъ «логическимъ» путемъ: взяли приблизительное число заводовъ, интуитивно опредѣлили число работающихъ станковъ, путемъ умноженія на 25 вывели число рабочихъ и такимъ же гениально простымъ путемъ получили всѣ остальные нужныя цифры. Отчетъ былъ представленъ Ларину за 2 часа до срока и, вмѣстѣ съ другими, составленными, какъ я слышалъ отъ участниковъ, по тому же рецепту, легъ въ основаніе докладовъ и преній въ засѣданіяхъ Президіума Высовнархоза и Совнаркома.

Другой подобный же случай произошелъ весной 1920 г. Послѣ занятія Архангелъска, предсѣдатель Главлѣскома Ломовъ, главнымъ талантомъ котораго является способность говорить, когда угодно, о чемъ угодно и сколько угодно, отправился туда для организаціи Совѣтскаго Сѣвера. По возвращеніи въ Москву, Ломовъ просилъ представить ему докладъ о состояніи россійской деревообрабатывающей промышленности. Докладъ пришлось составлять мнѣ, и онъ былъ такъ же высосанъ изъ пальца, какъ и отчетъ за 1919 г. При всемъ желаніи болѣе добросовѣстно отнестись къ дѣлу, это было невозможно, а отчетъ подавай во что бы то ни стало. Когда вскорѣ послѣ этого въ Москву прибыла англійская рабочая делегация, и одинъ изъ членовъ ея, деревообдѣлочникъ Парсель, посѣтилъ Главлѣскомъ, ему былъ врученъ этотъ же докладъ. Не знаю,

что сдѣлалъ Парсель съ нимъ по возвращеніи въ Англію, но увѣренъ, что всѣ прочія свѣдѣнія, даваемые совѣтскими дѣятелями иностраннымъ гостямъ, интересующимся состояніемъ русской промышленности, не могутъ похвастаться бѣльшей степенью достовѣрности. Кстати, съ Парселемъ при томъ же посѣщеніи произошелъ и другой курьезъ. Необходимо было показать знатному гостю не только бумаги, но и произведенія совѣтской промышленности. Подвели его къ шкафу, въ которомъ красовалась прекрасная коллекція всевозможныхъ катушекъ для текстильныхъ фабрикъ — вотъ, молъ, наша совѣтская работа. На бѣду, англичанинъ взялъ одну катушку въ руки. Помню его улыбку и легкій конфузъ коммунистическаго чичероне, когда мы увидѣли на обратной сторонѣ катушки марку англійской фирмы.

Если такова освѣдомленность Управленія о работѣ подвѣдомственныхъ ему предпріятій, то нетрудно себѣ представить, каковы реальныя основанія для всевозможныхъ «производственныхъ программъ», «заданій» и т. д. на будущее время. Неудивительно, что и самъ Президіумъ Высовнархоза, эти программы утверждающій, усвоилъ себѣ критическое отношеніе къ нимъ и механически сокращаетъ въ нѣсколько разъ предполагаемыя программы и смѣтныя суммы Главковъ. Впрочемъ, послѣдніе перехитрили Президіумъ и предусмотрительно умножаютъ смѣтныя суммы на соотвѣтствующій множитель. Краткій, но яркій примѣръ: смѣта Кустарнаго отдѣла Управленія на 1920 г. была подана на сумму 44 миллиарда рублей, утверждены — 6 миллиардовъ. Не надо говорить, что дѣйствительной работы едва ли будетъ произведено на нѣсколько процентовъ отпущенной суммы. Другой примѣръ, иллюстрирующій степень пониманія дѣйствительнаго положенія вещей руководителями російской промышленности. Въ августѣ 1920 г. была составлена «производственная программа на 1920—21 г.г.» Оказалось, что потребность въ обработанныхъ лѣсныхъ матеріалахъ, заявленная одними только важнѣйшими центральными учрежденіями (при чемъ эти заявки были, разумѣется, выведены по общему совѣтскому методу), превышаетъ вдвое максимумъ возможной выработки, при совершенно неправдоподобномъ предположеніи, что всѣ болѣе или менѣе исправныя заводы будутъ снабжены сырьемъ и смогутъ работать. Когда объ этомъ было доложено одному изъ руководителей Главлѣскома, Кабанову, онъ разрѣшилъ вопросъ очень просто: «Ну что жъ, придется приказать немедленно построить недостающее количество заводовъ». Надо знать жалкое состояніе существующихъ заводовъ, полное отсутствіе матеріаловъ и техническихъ силъ, чтобы вполне оцѣнить эту фразу.

При всѣхъ этихъ условіяхъ, управленіе промышленностью изъ центра сводится къ составленію и пересоставленію всевозможныхъ организаціонныхъ, производственныхъ и строительныхъ плановъ, къ громадной, но случайной перепискѣ по вышлывающимъ отдѣльнымъ вопросамъ и къ разрѣшенію дразгъ и конфликтовъ мѣстныхъ органовъ.

Но, можетъ быть, все это только недостатки бюрократическаго центра, противъ которыхъ борются и коммунисты, можетъ быть, настоящая производительная работа ведется мѣстными органами, далекими отъ бумаго-маранья и воодушевленными дѣловымъ рвеніемъ? Какъ многомѣсячная переписка, такъ и личное знакомство съ очень большимъ количествомъ вѣчно развѣзжающихъ въ Москву «делегатовъ» убѣдили меня въ томъ,

что совѣтскія «мѣста» работаютъ гораздо хуже центра. Нашими «мѣстами» были: въ каждомъ губернскомъ городѣ — Гублѣскомы или Гублѣсы, въ уѣздныхъ городахъ — Уѣздлѣскомы, на заводахъ — заводоуправленія. Служащіе (помимо рабочихъ) всѣхъ этихъ учреждений составляютъ армию въ нѣсколько тысячъ человекъ. Вотъ примѣръ работоспособности и добросовѣстности этихъ органовъ, при томъ примѣръ типическій. Владимирскій Гублѣскомъ одно время сталъ присылать въ Москву настолько аккуратные отчеты, что невольно явилось сомнѣніе въ ихъ даже приблизительной правильности; при первой же проверкѣ оказалось, что въ отчетѣ давались свѣдѣнія о работѣ въ 1920 г. заводовъ, сгорѣвшихъ въ 1916 г. Элементарныя бухгалтерскія книги на заводахъ запущены на цѣлые годы, даже при наличности конторскаго персонала. Куда дѣваются получаемые изъ центра десятки милліоновъ — никто не можетъ сказать, — однимъ словомъ, о мѣстныхъ органахъ можно повторить все, сказанное о центрѣ, съ той разницей, что здѣсь еще больше невѣжества и наглости.

Все это не значитъ однако, что въ составѣ Главлѣскома и его органовъ находятся исключительно бездарные или лѣнивые люди; напротивъ, среди служащихъ есть много дѣйствительныхъ и усердныхъ специалистовъ лѣсного дѣла, но поставленная передъ ними задача — выполнить невыполнимое, да еще при невозможныхъ условіяхъ жизни и подъ руководствомъ кучки коммунистовъ и авантюристовъ, диктаторствующихъ и фантазерствующихъ какъ въ центрѣ, такъ и на мѣстахъ, — неизбежно приводитъ къ работѣ по описанной системѣ. Самое большее, что можетъ сдѣлать человекъ, силой обстоятельствъ вовлеченный въ совѣтское учреждение и не желающій активно участвовать въ разрушеніи остатковъ русской промышленности, это избѣгать и, по мѣрѣ возможности, предотвращать эксперименты, направленные непосредственно на разрушеніе матеріальныхъ цѣнностей будущаго, напр., вырубку на дрова лѣсныхъ площадей вокругъ лѣсопильныхъ заводовъ и т. д.

Что же является, все-таки, реальной силой, двигающей всю огромную переписку, заставляющей создавать фантастическіе смѣты и проекты и поддерживающей работу немногихъ неостановившихся стаяковъ?

Мнѣ мало приходилось непосредственно наблюдать настроеніе рабочихъ, но одно можно сказать опредѣленно: «коммунистическаго воодушевленія трудомъ» нигдѣ нѣтъ и въ поминѣ, такъ называемая «рабочая дисциплина» и производительность труда упали до минимума. Работа ведется или по инерціи тамъ, гдѣ сохранились остатки прежней организаціи, въ видѣ нахождения бывшаго владѣльца или его довѣреннаго въ составѣ заводоуправленія, или въ виду того, что лѣсопилка связана съ мельницей, размалывающей за незаконные поборы натурой зерно мѣстныхъ крестьянъ, которымъ сбываютъ и доски съ завода, или же, наконецъ, въ силу отсутствія другого выбора. Необходимо также помнить и о декретированномъ прикрѣпленіи къ мѣсту работы. Несмотря на это, когда голодъ становится совѣмъ не въ моготу, рабочіе цѣлыми партіями бросаютъ заводъ и уѣзжаютъ въ далекія губерніи за хлѣбомъ.

Среди служащихъ опредѣленно различаются три основныя группы: масса низшихъ канцелярскихъ служащихъ, средніе и высшіе «отвѣтственные» служащіе-спеціалисты, и, наконецъ, коммунисты, задающіе тонъ

всему этому концерту. Составъ массы канцелярскихъ служащихъ довольно сѣрый. Большой процентъ составляютъ «совѣтскія барышни», съ очень малою степенью грамотности и абсолютнымъ нежеланіемъ хоть сколько-нибудь вникнуть даже въ ту механическую бумажную работу, которую онѣ выполняютъ. Въ послѣднее время «Рабоче-Крестьянская» Инспекція усердно занялась насажденіемъ въ этой средѣ «трудовой дисциплины». Къ намъ въ Управленіе былъ командированъ инспекторъ-коммунистъ, записывавшій въ штрафной журналъ всѣхъ, являвшихся на службу позже 10 ч. 15 м. утра; опоздавшимъ грозила кара, въ видѣ лишенія пайка и т. д. Эти мѣры могли бы имѣть смыслъ только въ томъ случаѣ, если бы къ каждой барышнѣ можно было приставить на все время по коммунисту; впрочемъ, и это не помогло бы, ибо инспектора гораздо менѣе интеллигентны, чѣмъ служащіе, и не могли бы услѣдить за ними. На этихъ-то барышняхъ, въ сущности, и держится вся система совѣтскаго бюрократизма: безъ нихъ нельзя ни написать бумаги, ни отправить ея, ни выдать ордеръ, ни составить смѣты и т. д. Есть среди канцелярскихъ служащихъ и почтенные труженики, и люди, стоящіе по своему прошлому, по своимъ способностямъ и знаніямъ много выше своего нынѣшняго положенія; мнѣ кажется, однако, что такихъ людей не такъ ужъ много, ибо отсутствіе среди коммунистовъ интеллигентныхъ силъ и невыносимыя условія жизни почти механически выдвигаютъ каждого мало-мальски дѣльнаго человѣка. При этомъ несовсѣмъ правильно, по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ моего опыта, утвержденіе, что служащихъ заставляютъ записываться въ коммунисты или выдавать себя за сочувствующихъ; правда, бывали и у насъ анкеты о партійной принадлежности, но при мнѣ можно было обойтись ссылкой на безпартійность и даже на «независимость». Условія жизни канцелярскихъ служащихъ дѣйствительно ужасны. Жалованье смѣхотворно, паекъ абсолютно недостаточенъ, тѣмъ болѣе, что онъ выдается полностью только «отвѣтственнымъ», — одно изъ примѣненій принципа равенства. Передъ служащими стоитъ вѣчная дилемма: или буквально умирать съ голода, или, рискуя жизнью, заниматься спекуляціей.

Но гораздо важнѣй для пониманія пружинъ, двигающихъ совѣтскій промышленный механизмъ, является психологія «отвѣтственныхъ» чиновниковъ, въ рукахъ которыхъ находятся распорядительныя функціи, и которые создаютъ и руководятъ осуществленіемъ безчисленныхъ плановъ и проектовъ, ежедневно рождающихся въ совѣтскихъ канцеляріяхъ и направленныхъ къ достиженію полнаго коммунистическаго идеала. Это тѣ лица, которыя замѣнили бывшихъ лѣсопромышленниковъ, заводо-владѣльцевъ, директоровъ и членовъ правленій, т. е. нынѣшніе члены коллегій, управляющіе и завѣдующіе всѣхъ ранговъ, уполномоченные, агенты и т. д. На высшихъ ступеняхъ этой іерархической лѣстницы (совѣтская табель о рангахъ включаетъ не менѣе 27 степеней), какъ въ центрѣ, такъ и на мѣстахъ, стоятъ коммунисты; подъ ихъ контролемъ — спецы. Соціальный составъ и стажъ всѣхъ этихъ лицъ разнообразенъ: много бывшихъ лѣсныхъ служащихъ и приказчиковъ, есть и лѣсопромышленники, много людей свободныхъ профессій и бывшихъ чиновниковъ всѣхъ вѣдомствъ, до полиціи включительно. Впрочемъ для коммуниста не требуется никакого стажа, кромѣ партійной принадлежности. Во

главѣ Украинскаго Лѣскома стоялъ студентъ одного изъ первыхъ курсовъ медицинскаго факультета Малюта, до своего новаго назначенія въ короткій срокъ провалившій лѣсозаготовительную кампанію на Уралѣ; во главѣ Гублѣскомовъ стояли и стоятъ слесаря, сплавщики и даже . . . шарманщики — предсѣдатель Витебскаго Гублѣскома Плющевъ, во время сбѣжавшій съ казенными деньгами.

Формально условія жизни отвѣтственныхъ служащихъ немногимъ лучше остальныхъ: нѣсколько лишнихъ тысячъ въ мѣсяць или нерегулярно выдаваемый скудный паекъ не мѣняютъ положенія. Это не относится къ коммунистамъ, которые черпаютъ полной рукой изъ остатковъ государственнаго и частнаго достоянія. Но къ двумъ возможнымъ выходамъ — умирать съ голода или спекулировать, для высшихъ и среднихъ служащихъ присоединяется и третій — злоупотребленія по службѣ, и по этому пути пошло громадное большинство. Тонъ и здѣсь задаютъ коммунисты: повидимому, *l'appétit vient en mangeant*.

Можно категорически утверждать, что подавляющимъ большинствомъ всѣхъ этихъ людей движетъ тотъ же могучій рычагъ личнаго интереса, который объявленъ однимъ изъ отжившихъ принциповъ капиталистическаго общества. Такъ какъ, однако, коммунистическій строй официально упразднилъ личную заинтересованность въ производствѣ, связанную съ принципомъ частной собственности, то заинтересованность эта неизбежно направляется въ нелегальное и часто вредное для самаго производства русло: гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно. Никакія преміи не могутъ измѣнить дѣла, ибо онѣ не въ состояніи угнаться за стоимостью жизни и за опасными, но крупными незаконными заработками.

Нѣтъ ни одной смѣты, ни одного проекта, ни одной хоть сколько-нибудь существенной бумаги, за которой не скрывался бы чей-нибудь движущій ее частный интересъ, не имѣющій ничего общаго съ предполагаемымъ интересомъ социалистическаго производства и обычно ему совершенно противоположный. Такъ какъ каждая бумажка рождаетъ цѣлую переписку ряда учреждений, то наблюдатель иногда не сразу можетъ опредѣлить, за какой изъ этой цѣпи бумажекъ скрывается личный интересъ, и въ чемъ онъ состоитъ; но стоитъ взглянуть повнимательнѣй, поговорить съ участниками переписки, — и вы неизбежно увидите гдѣ-либо тотъ же скрытый двигатель личной выгоды.

Составляется годовая смѣта завода или цѣлага Гублѣскома. Главлѣскомомъ отпускается по смѣтѣ громадная сумма денегъ, отчетъ въ израсходованіи которой дается, когда угодно и какъ угодно. Да дать отчетъ и не трудно. Такъ напримѣръ, въ смѣтѣ есть пунктъ расходовъ по заготовкѣ и подвозкѣ къ заводу круглаго лѣса для распиловки; расстояние возки лѣса исчислено въ 10 верстъ, на самомъ же дѣлѣ это расстояние равно 1 верстѣ, чаще всего лѣсъ заготовленъ еще бывшимъ владельцемъ и лежитъ на заводѣ уже нѣсколько лѣтъ. Получается громадная «закономія» въ расходахъ, о которой центръ ничего не знаетъ и знать не можетъ: посылать на всѣ заводы людей для провѣрки работы нѣтъ возможности и, наконецъ, и эти люди тоже только люди и хотятъ ѣсть. Формально, все въ порядкѣ: на расходы по возкѣ имѣются оправдательные документы, въ видѣ самодѣльныхъ расписокъ отъ имени крестьянъ-возчиковъ въ полученіи денегъ и, что самое главное, продовольствія за

возку. Строится новый заводъ или ремонтируется старый, и на постройку получается, при известной энергіи, такое количество всякихъ станковъ, машинъ, матеріаловъ, ремней, котораго хватитъ на десятокъ заводовъ и стоимость котораго въ нынѣшней Россіи неисчислима; заводъ строится годы, а матеріалы переходятъ съ казенныхъ складовъ на нелегальный частный рынокъ, опять покупаются за громадныя деньги Отдѣломъ Снабженія того же или другого Главка и начинаютъ дальнѣйшее *regretium mobile*, обогащая всѣхъ, прикосновенныхъ къ постройкѣ завода, къ снабженію Главковъ и т. д. Подаются и утверждаются миллионныя смѣты на давно сгорѣвшіе или завѣдомо и безнадежно бездѣйствующіе заводы. Одинъ изъ Гублѣскомовъ прифронтальной полосы, при малѣйшемъ слухѣ о приближеніи къ городу фронта, отстоящаго за нѣсколько десятковъ верстъ, немедленно сворачивался; черезъ нѣсколько дней слухи оказывались неосновательными и обязанными своимъ распространеніемъ чуть ли не самому Президіуму Гублѣскома. Черезъ нѣсколько дней делегатъ Гублѣскома ѣдетъ въ Москву просить пилъ, топоровъ, продовольствія, ибо прежніе запасы Гублѣскома, разумѣется, со всѣми отчетами, исчезли при эвакуаціи. Подобныхъ «комбинацій» можно привести безконечное множество, и въ нихъ обыкновенно участвуютъ не только провинціальныя головотяпы, но и «товарищи» изъ центра, разсматривающіе и утверждающіе эти смѣты и заявленія. Нѣсколько «идейныхъ» коммунистовъ, подпись которыхъ иногда требуется на нужной бумажкѣ, или не въ состояніи разглядѣть смыслъ подсовываемой имъ переписки, или, чаще всего, на время прячутъ свою идею въ карманъ. Правда, тамъ, гдѣ они чувствуютъ себя обойденными, они строго блюдутъ интересы коммунистической республики.

Независимо отъ этого непосредственнаго присвоенія и расхищенія казеннаго имущества, процвѣтаетъ и взяточничество въ собственномъ смыслѣ. Казалось бы, кто и за что станетъ давать взятки, когда частной промышленности нѣтъ и въ результатъ работы никто не заинтересованъ; тѣмъ не менѣе, и дающихъ и берущихъ еще очень много. Въ области заготовки и вывозки дровъ и лѣсныхъ матеріаловъ, гдѣ допускается, въ извращенной и хищнической формѣ, частная инициатива, въ видѣ сдачи подрядовъ, берутъ при подписаніи договоровъ, берутъ за отводъ лѣсныхъ площадей, берутъ за выдачу авансовъ, берутъ за отпускаемое продовольствіе и инструменты, берутъ при пріемкѣ дровъ, берутъ за подлоги въ обмѣрѣ дровъ и въ указаніи разстоянія возки, — словомъ, всѣхъ возможностей взять не перечесть. Въ деревообрабатывающей промышленности, вмѣстѣ съ націонализированными заводами, соприкосновенія съ частными лицами меньше; но и здѣсь берутъ за отсрочку национализаціи, за требующійся составъ Правительственнаго Правленія завода, за сдачу подрядовъ, за отпускъ лѣсныхъ матеріаловъ, и т. д. Въ послѣднее время, въ связи съ дальнѣйшими шагами въ проведеніи принциповъ чистаго коммунизма, легальная область частной инициативы сокращена почти до нуля; однако, многіе находятъ, что новый способъ работы — «хозяйственный», по смѣтамъ, о порядкѣ составленія которыхъ уже говорилось, гораздо выгоднѣе и спокойнѣе подряднаго. Къ тому же, взятки даютъ не только частныя лица, но и учрежденія: Продрасметъ не отпустить Главлѣскому пилъ, Наркомпродъ продовольствія, Главкожъ —

кожи, безъ «смазки» соответствующихъ лицъ; въ свою очередь, при распределеніи Главлѣскомомъ этихъ предметовъ или лѣсныхъ матеріаловъ между другими учрежденіями, дѣло не обходится безъ взятокъ.

Суммы отдѣльныхъ взятокъ и хищений варьируются, смотря по роду проводимой операціи и по чину берущаго, отъ тысячъ до милліоновъ рублей. Немудрено, что молва приписываетъ отдѣльнымъ лицамъ, коммунистамъ, стоящимъ во главѣ Главлѣскома, состоянія во много десятковъ милліоновъ, что многіе заводы, по нелегальнымъ сдѣлкамъ, перешли изъ рукъ прежнихъ владѣльцевъ въ собственность нынѣшнихъ фактическихъ хозяевъ. Кромѣ денежныхъ взятокъ весьма распространены и, казалось, совѣмъ старомодныя приношенія натурой. При колоссальной дороговизнѣ въ столицахъ, нѣсколько фунтовъ сливочнаго масла, мѣшокъ муки и т. п. имѣютъ болѣе реальную цѣнность, чѣмъ цѣлыя пачки совѣтскихъ тысячныхъ билетовъ.

Берутъ и совершаютъ злоупотребленія цѣлыми организованными товариществами, берутъ и въ одиночку. Всѣ отлично понимаютъ другъ друга съ полуслова, и даже безъ словъ; атмосфера взяточничества всецѣло царитъ въ учрежденіяхъ. Соблюдается правило: не пойманъ — не воръ. Пока служащій не попадетъ на удочку агента-провокатора или не провоцируется уже слишкомъ неловко, ни у кого не возбуждается вопросъ, какимъ образомъ этотъ человѣкъ, больше того — коммунистъ, получающій максимумъ 25—30 тысячъ въ мѣсяць, можетъ тратить сотни тысячъ въ вечеръ на вино, карты и т. п. Еще разъ повторяю, что во всемъ этомъ въ особенности отличаются коммунисты и полу-коммунисты, занимающіе наиболѣе отвѣтственныя мѣста членовъ коллегій, начальниковъ Управленій, предсѣдателей важнѣйшихъ мѣстныхъ органовъ.

Какъ ни парадоксально покажется подобное утвержденіе, но это колоссальное развитіе злоупотребленій имѣетъ свои положительныя стороны, какъ съ точки зрѣнія коммунистической промышленной дѣятельности, такъ и съ противоположной точки зрѣнія матеріальныхъ интересовъ будущей русской промышленности. Не будь замѣшаны во всѣхъ совѣтскихъ промышленныхъ комбинаціяхъ соображенія личной выгоды, отмерла бы главная часть дѣятельности учреждений, исчезла бы или сократилась до минимума «производственная инициатива», лишенная своего дѣйствительнаго стимула. Далѣе, если промышленность еще кое-какъ удерживается на современномъ низкомъ уровнѣ и только постепенно опускается на самое дно, если заготовка дровъ въ прошломъ году дала нѣкоторый положительный, по нынѣшнимъ условіямъ, результатъ, если незначительная часть заводовъ еще кое-какъ движется, то только благодаря этому вездѣсущему и неискоренимому личному интересу. Съ другой стороны, ему же обязана русская промышленность тѣмъ, что не всѣ заводы расхищены, не всѣ запасы лѣсныхъ матеріаловъ уничтожены, сожжены или распроданы. Такимъ образомъ, и въ коммунистическомъ «хозяйствѣ» единственной живой и организующей силой является индивидуальный интересъ. Выбитый изъ обычнаго русла, онъ продолжаетъ течь подъ почвой и обходится производству во много разъ дороже всякой «прибавочной стоимости», давая несравненно меньшіе результаты.

Въ заключеніе коснусь вопроса объ экспортѣ изъ Россіи лѣсныхъ матеріаловъ, развитіе котораго въ предѣлахъ Главлѣскома я

имѣлъ возможности наблюдать въ самой непосредственной близости. Предписаніе свыше о выясненіи возможности экспорта и подготовкѣ къ нему было дано въ началѣ 1920 г. Одновременно начать былъ отборъ такъ наз. ударныхъ заводовъ, предназначенныхъ для работы на экспортъ и другія первостепенныя нужды, и, съ другой стороны, опредѣленіе количества экспортныхъ матеріаловъ, какъ доставшихся большевикамъ въ Архангельскѣ, такъ и захваченныхъ у владѣльцевъ въ Петроградскомъ Порту и въ другихъ пунктахъ сѣверо-западныхъ губерній. Идея концессій, въ нынѣшнихъ широкихъ размѣрахъ, еще не всплыла вторично на поверхность. Къ сентябрю выяснилось слѣдующее. Послѣ многомѣсячныхъ споровъ и интригъ, около 150 лѣсопильных, фанерныхъ и др. заводовъ были объявлены ударными. Въ ихъ числѣ есть дѣйствительно бывшіе первоклассные заводы, но входятъ туда и такія предпріятія, какъ созданіе совѣтскаго строительства, Рязанскій Государственный заводъ, усердно рекламируемый въ совѣтской прессѣ, — полу-шарлатанское предпріятіе, собранное изъ растасканнаго имущества Земскаго Союза, тратящее колоссальныя средства и изготовляющее никуда негодные фанерные бараки для солдатъ, жестяные чайники и т. п., но зато доставляющее весьма аккуратно крупу, муку, масло и прочія промышленныя произведенія того же рода на подводахъ изъ Рязани въ Москву, для Гг. членовъ коллегіи Главлѣскома. Къ ударнымъ же заводамъ отнесены и совершенно фантастическіе Сухонскіе Государственные заводы: предполагается постройть около Вологды невиданныхъ размѣровъ универсальныя заводы всѣхъ видовъ обработки дерева; постройка ведется невѣжественными авантюристами безъ всякаго плана, до сихъ поръ не опредѣлено точно расположеніе будущаго завода; между тѣмъ для постройки разрушено нѣсколько прекрасныхъ заводовъ (заводы Малютина и др. на р. Сухонѣ), растаскано съ различныхъ складовъ и заводовъ на много милліоновъ машинъ, ремней, гвоздей, большая часть чего расхищена, не дойдя до мѣста; объ астрономическихъ суммахъ затраченныхъ денегъ говорить не приходится.

Перспективы работы ударныхъ заводовъ въ текущемъ, да и въ будущемъ году, совершенно ничтожны. Сырье для заводовъ (бревна) не можетъ быть заготовлено и подвезено во-время и въ достаточномъ количествѣ, ибо Наркомпродъ не въ состояніи будетъ дать даже минимальнаго количества продовольствія для работы; заводы, даже лучшіе, находятся въ совершенно расшатанномъ состояніи, нѣтъ инструментовъ и техническихъ матеріаловъ (въ частности, совершенно отсутствуютъ клеевыя вещества для фанеры), рабочіе не работаютъ, управляющіе не управляютъ, — однимъ словомъ, общая картина совѣтской дѣятельности, по существу не мѣняющаяся отъ того, что данная группа заводовъ поставлена въ нѣсколько лучшія условія снабженія, чѣмъ остальная масса всецѣло заброшенныхъ предпріятій. Это скоро поняли и совѣтскіе экспортеры и обратили главное вниманіе на болѣе легкую и эффективную работу — приготовленія къ вывозу лѣсныхъ матеріаловъ — планокъ, фанеры и т. п. — захваченныхъ у частныхъ владѣльцевъ. Матеріалы эти находятся, въ количествѣ двухъ съ лишнимъ десяткомъ тысячъ стандартовъ (по совѣтскимъ даннымъ къ сентябрю мѣсяцу), что составляетъ до военный годовой оборотъ одной фирмы, — въ Петроградѣ, Архангельскѣ и другихъ

опредѣленныхъ пунктахъ и сравнительно легко поддаются учету. Когда учесть, съ грѣхомъ пополамъ, былъ произведенъ; начались разныя экспортныя манипуляціи. Товаръ, отъ лежанія на мѣстѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, сильно испортился и врядъ ли въ такомъ видѣ понравится англичанамъ: необходимо его пересортировать и отторцевать (обрѣзать потемнѣвшіе концы). Черезъ нѣсколько недѣль работа эта, за малоуспѣшностью и неутѣшительностью результатовъ, была прервана. Сомнѣваюсь, чтобы при этомъ были возвращены суммы, полученные «за содѣйствіе» при сдачѣ подрядовъ на сортировку. Затѣмъ была придумана слѣдующая коммерческая хитрость: въ Петроградѣ товаръ лучшаго качества, чѣмъ въ сосѣднихъ губерніяхъ; нельзя ли предварительно смѣшать въ натурѣ всѣ эти матеріалы для того, чтобы незамѣтно сбыть англичанамъ и второсортныя доски. Эта первобытная хитрость, предполагающая, что иностранцы будутъ принимать товаръ не по осмотру, а по «маркѣ», для своего осуществленія потребовала бы колоссальныхъ непродуманныхъ затратъ средствъ и обогатила бы нѣсколько лицъ. Къ концу сентября эта «работа» не была начата, точно такъ же, какъ подобная операція надъ Архангельскимъ товаромъ, намѣчавшаяся съ обратной цѣлью: предполагалось перепутать товаръ различныхъ фирмъ, чтобы сдѣлать, на всякій случай, болѣе затруднительнымъ опредѣленіе дѣйствительныхъ собственниковъ. Такимъ образомъ, уже тогда совѣтскіе экспортеры почувствовали возможность такихъ случаевъ, какъ недавній приговоръ англійскаго суда по иску Лютера. Помню радость и гордость новоявленныхъ экспортеровъ, почувствовавшихъ себя признанной фирмой, послѣ отправки партіи Лютеровской фанеры, безпрестанные разговоры по прямому проводу съ Петроградомъ, широкіе планы на будущее и т. д. Когда я черезъ нѣсколько дней, уже оставивъ службу, задалъ вопросъ Замначуп-древпрому (по русски — Замѣстителю Начальника Управленія Древообрабатывающей промышленности), не думаетъ ли онъ, что за-границей могутъ признать собственниками импортируемаго изъ Россіи товара прежнихъ владѣльцевъ, онъ улыбнулся и ничего не отвѣтилъ. Между тѣмъ, право собственности и на остальной экспортный товаръ можетъ быть точно установлено, хотя бы потому, что соотвѣтствующія русскія и иностранныя фирмы, конечно, имѣютъ гораздо болѣе полныя и точныя свѣдѣнія о количествѣ и движеніи своего товара, чѣмъ всѣ Лѣскомы и наблюдающія за ними чрезвычайки вмѣстѣ.

Мои наблюденія заканчиваются сентябремъ прошлаго года и относятся только къ Главку, гдѣ я служилъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, однако, что порядки всѣхъ другихъ Главковъ и Центровъ не лучше, если только не хуже, въ чемъ меня убѣдили какъ случаи, когда приходилось непосредственно сталкиваться съ другими учрежденіями, такъ и рассказы служащихъ въ этихъ учрежденіяхъ лицъ; съ другой стороны, если и произошли съ тѣхъ поръ перемѣны лицъ, названій и «организациі», эти перемѣны не могутъ улучшить самую систему и, во всякомъ случаѣ, безсильны вызвать хоть какую-нибудь созидательную работу.

Рига, 3 января 1921 г.

І. Рапопортъ